

Л. Н. РУДОВ

ПРОБЛЕМЫ КИДАНЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В январе 1941 г. Л. Н. Рудовым на сессии Института востоковедения Академии наук СССР был сделан доклад «Проблемы киданьской письменности». Он явился результатом большой работы над расшифровкой киданьской и чжурчжэньской письменностей.

Л. Н. Рудов погиб в Ленинграде во время блокады в декабре 1941 г. и не смог довести до конца эту работу. К сожалению, доклад полностью не сохранился. Предлагаемая статья составлена из отдельных черновых фрагментов рукописи «Проблемы киданьской письменности», сохранившихся в домашнем архиве Л. Н. Рудова. Автор этих строк основывался на кратких тезисах к докладу на сессии Института востоковедения, подписанных Л. Н. Рудовым.

В связи с тем что работа печатается посмертно, новейшая литература по этому вопросу не учтена.

Приношу глубокую благодарность научному сотруднику Института этнографии АН СССР Л. Л. Викторовой, ст. научному сотруднику Института Р. Ф. Итсу и доценту кафедры китайской филологии Ленинградского государственного университета С. Е. Яхонтову, оказавшим большую помощь в подготовке этой работы к печати.

М. Л. Рудова

В Европе интерес к забытой письменности киданей, владевших северной частью Китая с 916 по 1125 г. н. э., имеет уже столетнюю давность. Родоначальником его является знаменитый русский синолог Н. Я. Бичурин, опубликовавший в своей книге «Статистическое описание китайской империи» (1841) пять киданьских иероглифов, позаимствованных им из китайского сочинения XIV в.

С тех пор и до 1912 г. проблема забытых письменностей киданей и особенно чжурчжэней неизменно привлекала к себе внимание русских и западноевропейских востоковедов, посвятивших ей или отдельные статьи в журналах, или затрагивавших ее в связи с другими вопросами изучения Востока.

В 1875 г. И. Захаров в предисловии к «Большому маньчжурскому словарю», касаясь вопроса истории киданьского письма, писал: «Основываясь же на заметке в истории Суйской династии, что у восточных племен: синь-ло и бо-цзи имеются письмена, похожие на китайские, можно делать и такое заключение, что попытки образовать из китайских начертаний слоговую азбуку для туземного языка едва ли не были делаемыми гораздо раньше киданей? Последние только окончательно усовершенствовали этого рода письмо»¹.

¹ И. Захаров, Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875, Предисловие, стр. V.

По вопросу о времени применения киданьского письма И. Захаров писал: «В ученом переводческом комитете особенную услугу переводу китайских книг оказал Елюй-ли, который был весьма искусен в переводе китайских книг на киданьское письмо большого и малого почерка. Странно, вследствие влияния ли этого Елюй-ли, знавшего отлично киданьское письмо, на которое переведены были китайские книги ясно и точно, или трудности и неточности нюйчжэнского (чжурчжэнского.— Л. Р.) письма, при переводе с китайского сначала переводили на киданьское, а потом уже на нюйчжэнское. И только с 1191 г. приказано переводить прямо с китайского на нюйчжэнский язык и прекратить писание летописи и истории государства в историческом приказе киданьскими буквами»².

Из этих замечаний мы видим, что применение чжурчжэнями киданьской письменности прекратилось не раньше правления чжурчжэнского императора Чжан-цзуна (1190—1201 гг.), т. е. за 30—40 лет до падения цзиньской (чжурчжэнской) династии.

В 1883 г. была опубликована статья французского синоведа Г. Деве-риа «Исследование Яньтайской стелы»³, в которой он очень подробно коснулся вопроса об изобретении и времени применения киданьской письменности. Изложенными данными в основном исчерпываются европейские исследования за минувшее столетие по вопросу киданьской письменности.

Новые вещественные памятники киданьской письменности были обнаружены в 1922 г. при раскопках в Цин-чжоу (пров. Жэхэ) могил киданьских императоров. Однако эпиграфические материалы этих раскопок были опубликованы в виде фотографий и эстампов со стел только в 1933 г.⁴ В 1932 г. в Китае было опубликовано еще 9 текстов с киданьских стел⁵, а в 1933 г.— четыре текста⁶.

Летом 1933 г. в руки китайского ученого Ван Цзин-жу попали два эстампа эпитафий, написанных киданьскими иероглифами и два листа оттисков с могильных плит, написанных киданьским почерком «чжуань». Эти эстампы относились к стелам Дао-цзуна, предпоследнего киданьского императора, и его жены Сюань-и.

Свое исследование киданьской письменности, построенное на изучении этих эпитафий, Ван Цзин-жу опубликовал в статье, где он привел следующее описание структуры киданьских иероглифов и примененного им метода их дешифровки.

«Рассматривая киданьские знаки, мы видим, что хотя они и похожи на китайскую письменность, однако состоят из очень длинных, больших знаков и из очень маленьких. Все знаки очень сходны между собой, но не только по ключам, как различаются между собой китайские и си-сяские иероглифы. Поэтому я пришел к мысли, что они состоят из некоторых односложных первопроизводных знаков, как в нынешнем корейском языке. Моя мысль получила ясное доказательство при чтении киданьских знаков почерка „чжуань“ с могильных плит (рис. 1), например: знак А (рис. 2) в почерке „чжуань“ разделяется на четыре зна-

² И. Захаров, Указ. раб., стр. VI.

³ G. Deveria, Examen de la Stèle de Jen-tai, «Revue de l'extrême Orient», Paris, 1883, стр. 173—186.

⁴ J. Mullie, Les sépultures de K'ing de Leao, «T'oung Pao», 1933, т. XXX.

⁵ «Госюэпкань», № 3, 1932, Бэйпин (на кит. яз.).

⁶ Ван Цзин-жу, Первый опыт изучения эпитафии Ляосского Дао-цзуна и императрицы Сюань-и, написанных киданьским государственным письмом, «Сборник Пекинского государственного университета», Историко-филологический факультет, т. 3, № 4, стр. 467—478, Бэйпин, 1933 (на кит. яз.).

ка, которые следуют один за другим сверху вниз а, б, в, г (рис. 2). Отсюда я нашел способ их толкования, а также установил, что эти знаки по своему строению действительно имеют свою оригинальность по сравнению с китайскими и сисяскими иероглифами. Выше я уже указал,

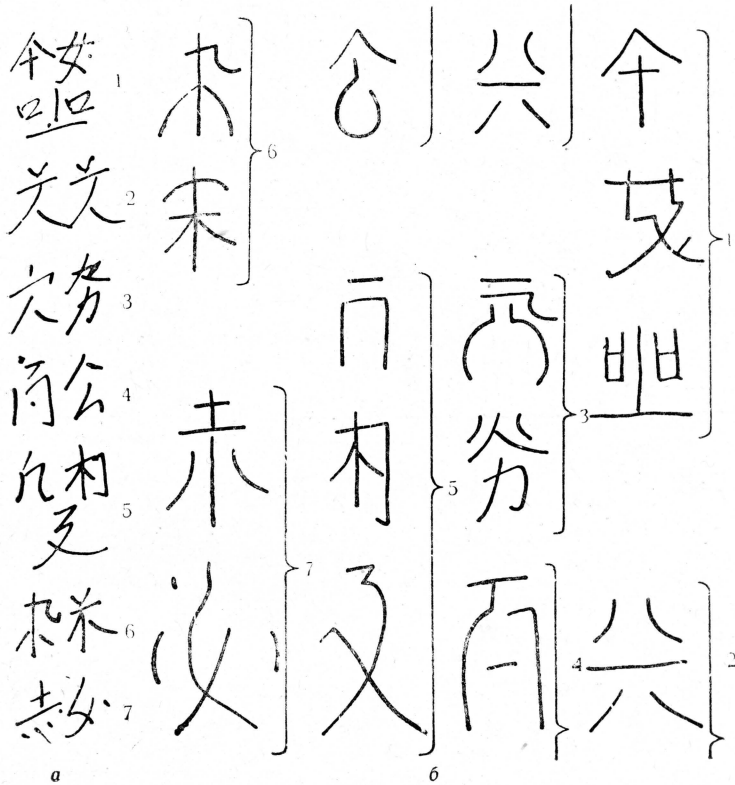

Рис.1. Киданьская надпись почерком чжуйнь (справа) и обычным почерком (слева)

что киданьские слова являются многосложными. Теперь, если эти киданьские знаки, составленные из маленьких знаков, связать с исследованием слогов (звуковых комплексов), то это как раз и будет единственным способом для их понимания...».

«...Приступая к исследованию обеих эпитафий, я прежде всего устанавливаю, что три последних знака в первом ряду обеих эпитафий одинаковы и имеют значение „эпитафия“»⁷ (рис. 3).

После работы Ван Цзин-жу 53 киданьских иероглифа получили более или менее точно установленные значения на китайском языке (причем фонетической дешифровки киданьских слов ни в одном случае не сделано). Безусловно, что и это небольшое количество иероглифов дает возможность дальнейшего изучения забытого письма. Мною при использовании дешифровок Ван Цзин-жу получены данные, которые опровергают предположение, высказанное Мюлли и поддержанное

Рис. 2

⁷ Ван Цзин-жу, Указ. раб., стр. 470—471.

П. Пеллио⁸, что копия В (название стелы по Мюлли) относится к императору Шэн-цзуну, а копия А — к императрице Цинь-ай. В действительности копия В относится к императору Син-цзуну, а копия А — к его жене, императрице Жэнь-и. Кроме этого, мне удалось вновь дешифровать следующие киданьские иероглифы (см. рис. 4).

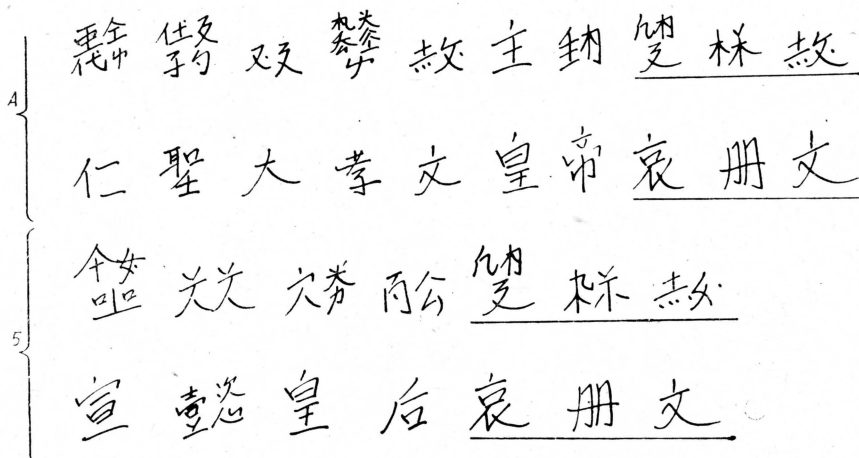

Рис. 3

Основная часть моих новых дешифровок относится к циклическим знакам китайского летосчисления, но и это важно.

Огромная научная заслуга Ван Цзин-жу и достоинства его статьи самоочевидны. Тем не менее его утверждение о несуществовании в настоящее время киданьского языка или точнее его преемника, граничит прямо-таки с недоразумением. Из его статьи мы знаем, что ему известно о существовании сочинения «Ляоши юйцзе» (Объяснение (киданьских) слов из истории Ляо), но тем не менее он не разъясняет, почему в 1781 г., когда китайские ученые занимались объяснением иностранных слов, находящихся в «Истории Цзиньской, Ляоской и Юаньской династий», они пользовались маньчжурским языком для Цзиньской династии, солонским как диалектом самой западной области Маньчжурии для Ляоской и для Юаньской — монгольским языком.

Второй недостаток статьи Ван Цзин-жу заключается в предубеждении против необходимости изучать на основании свидетельства китайской истории забытые письменности — киданьскую и чжурчжэньскую.

В этой связи я должен высказать мнение, что вряд ли такое предубеждение может получить поддержку в дальнейшем исследовании киданьской письменности.

В науке существуют две точки зрения по вопросу о происхождении киданей. Согласно одной, они являются народом монгольского происхождения, согласно другой — тунгусского.

Современные китайские историки считают киданей народом тунгусского происхождения. Кроме того, по имеющимся в Европе литературным указаниям, среди солонгов и дагур существуют традиции считать своими предками киданей.

В связи с изложенным, мне пришло на мысль составить рабочую гипотезу, заключающуюся: 1) в принятии ходячего мнения китайских правящих кругов эпохи Цянь-луна (XVIII в.) о том, что солонги представляют собой потомков киданей; 2) в принятии распространенного

⁸ J. Mullie, Указ. раб., стр. 12.

ныне в китайских ученых кругах мнения, что кидани являются народом тунгусского происхождения, и, наконец, 3) в целесообразности проводить сравнение материалов по солонскому языку, заключающихся в «Ляоши юйцзе» с «Материалами по солонскому языку» (Л., 1931). Я должен отметить, что создание данной гипотезы стало возможным лишь благодаря появлению значительного количества материалов по тунгусским языкам, что знаменует собою крупный успех советского востоковедения.

По моим подсчетам, в словаре «Ляоши юйцзе» помещено 1613 слов, распределенных по 11 отделах. Толкованию слов предшествует следующее общее замечание: «В исследовании Ляо тунгусским языком считается солонский язык. При дешифровках (написанных китайской транскрипцией) слов объясняются только их значения. Повторного объяснения солонских слов вообще не делается. Что касается фамилий, географических названий, названий имен и чинов, то транскрипция тех из них, смысл которых не установлен, исправлена на основании современных географических названий, фамилий восьми знамен по генеалогическим данным и нынешних названий чинов».

Оформление лексического материала сделано следующим образом.

Для каждого слова отведены две вертикальные строки. В первой из них слово воспроизведено маньчжурскими буквами. Ниже его помещена китайская транскрипция по способу фань-це, причем закрытые слоги отмечаются иероглифами, напечатанными жирным шрифтом. Во второй вертикальной строке слово написано в китайской транскрипции. В этой же строке его значение в переводе на китайский язык. Дешифровка значения сделана путем использования маньчжурских, монгольских и тунгусских слов. Для солонских слов просто даны их китайские значения. Такова структура «Ляоши юйцзе».

Я прочитывал слова в «Ляоши юйцзе» и искал их соответствия в существующих ныне словарях квадратной монгольской письменности. Прочитав таким образом 200 или 300 слов, я нашел до 30 слов, фонетическое сходство которых при тождестве значений является фактом самоочевидным. Отсюда должно сделать вывод, что возможности к восстановлению забытого киданьского письма в фонетическом отношении не утрачены, но являются делом будущих исследований.

Мне хотелось бы в этой связи поделиться предварительными данными о фонетической дешифровке киданьских знаков. Единственным методом, могущим дать завершенное исследование киданьской письменности, может быть только фонетический метод. Использование языковых данных, главным образом в исторической перспективе, языков дагурского, монгольского, солонского и маньчжурского

今考	—	乙*
今力	—	未*
至	—	八
查	—	丑***
支	—	辰
水考 女	—	丙
不化 木巫 冬	—	午
况 用	—	興
今考	—	宗
父雨	—	仁
况女	—	后

Рис. 4. * Ниохонь (примерное чтение), ** хонинь (примерное чтение), *** ихонь (примерное чтение)

поможет воссоздать фонетическую систему киданьского языка, благодаря чему появится возможность восстановления одного из главных звеньев в исторической грамматике тунгусских языков.

Моя точка зрения на киданьскую письменность может быть сформулирована в следующих словах.

По своему характеру киданьское письмо является силлабическим письмом особого рода. В этом письме неделимая графически комбинация черт в некотором количестве случаев соответствует (сложному) (рис. 5, а) слову, а в большинстве случаев — слогу. Слоговые начертания располагаются не по прямой линии, а по два рядом слева направо, сверху вниз, создавая таким образом перед графической паузой общий квадратный контур, наподобие китайского иероглифа.

Отличительной чертой этого письма является присутствие в нем определенных начертаний для суффиксов (рис. 5, б).

Сделаем теперь небольшой экскурс в историю чжурчжэньского письма, ибо это необходимо для характеристики нашего метода фонетической дешифровки киданьской письменности.

Известный в русской литературе под названием «стела Салиганя» памятник называется иначе Цяньжоуским памятником. Это последнее название дано ему по месту его нахождения в префектуре Цяньжоу, пров. Шаньси, где была могила императора Танской династии Гаоцзуна (650—684 г. н. э.). На этой стеле

высечена двуязычная надпись (на китайском языке и неизвестным письмом), имевшая китайское заглавие «Дацзинь хуанди дутунцинлюеланцзюн син цзи», что в русском переводе значит «Записка о путешествии младшего брата императора великого Цзинь, имевшего титул дутунцинлюеланцзюнь». Китайский текст состоит из 105 иероглифов, неизвестный — из 94, дата — 1134 г. н. э.

Эта надпись была воспроизведена в нескольких китайских археологических работах, причем оставалось неизвестным, в честь какого младшего брата и какого чжурчжэньского императора этот памятник был поставлен.

Благодаря исследованию китайского ученого Цзянь Да-синя доказано, что этот памятник был поставлен в честь брата цзиньского императора Тай Цзуна по имени Салихе (Салиганя). После этого среди европейских, китайских и японских ученых существовало единодушное мнение, что стела Салиганя является единственным сохранившимся памятником, написанным большим чжурчжэньским письмом.

Единственным документом, освещающим вопрос о создании и времени применения чжурчжэньской письменности, является китайская история.

В истории династии Цзинь говорится, что в 3-й год правления Тяньфу (1119 г. н. э.) было издано императорское повеление на имя Ваньянь Сииня о составлении чжурчжэньского государственного письма. Ваньянь Сиинь взял за образец китайские иероглифы почерка цзе и приспособил их к своему языку таким же способом, как это было сделано раньше (в 920 г. н. э.) киданями для своего языка.

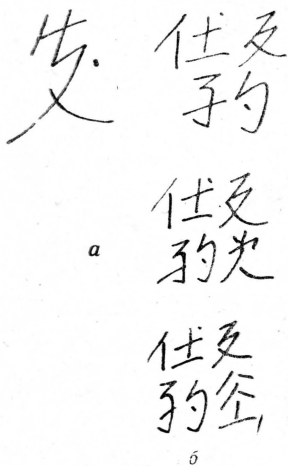

Рис. 5

Составленные Ваньянь Сиинем письменные знаки получили название большого чжурчжэньского письма в отличие от малого чжурчжэньского, как было названо составленное позднее, в царствование императора Си Цзуна (1135—1148 гг. н. э.) письмо, введенное в действие в 1145 г. Китайская история не дает указаний, в чем состояло принципиальное отличие «большого» письма от «малого». Известно только, что оба эти вида письма были в употреблении одновременно.

Несмотря на свидетельство китайской истории о том, что при помощи малого чжурчжэньского письма на чжурчжэньский язык переводились китайские классики и исторические сочинения, соответствующих памятников не сохранилось. Вместе с тем, с падением в 1234 г. Цзиньской династии преемственность чжурчжэньской письменности (малого чжурчжэньского письма) не прекратилась.

По данным истории династии Мин, в 1407 г. (в годы правления Юн Ло) был основан переводческий колледж из восьми отделений, в составе которого имелось и чжурчжэньское отделение, закрытое лишь в 1659 г., т. е. уже при Цинской династии.

Таким образом, чжурчжэньское малое письмо не было еще окончательно забыто, когда ему на смену пришла современная маньчжурская письменность, введенная в действие в 1599 г. и усовершенствованная в 1632 г. еще до воцарения маньчжур в Китае (1644).

В настоящее время существуют эстампажи с каменных памятников малого чжурчжэньского письма (открытых на огромном пространстве от устья Амура до пров. Хэнань), словарь «Нюйчжэньиуй» — «письменность чжурчжэней», издание Хуаииниуй — «письменность варваров» и некоторое количество текстов официальных бумаг.

Словарь и тексты написаны малым чжурчжэньским письмом. Упомнутый выше словарь был открыт в Китае проф. Гиртом и продан королевской библиотеке в Берлине. Исследование словаря, перевод его на немецкий язык и опубликование были предприняты проф. В. Грубе⁹.

Такова в общих чертах история малого чжурчжэньского письма.

При сравнении (с помощью китайской транскрипции) чжурчжэньского языка с маньчжурским В. Грубе установил теснейшее родство этих двух языков, основанное на совпадении в основной своей массе корней слов и суффиксов того и другого языка.

По моим наблюдениям, которые в общем могут лишь подтвердить уже констатированное В. Грубе теснейшее родство чжурчжэньского и маньчжурского языков, основанное на тождестве корней и суффиксов, оказывается, что принципиальное различие между этими двумя языками все же имеется. Оно заключается в структуре отрицаний. Зафиксированные в словаре «Нюйчжэньиуй» отрицательные формы (см. словарные №№ 474, 476, 710 по Грубе) маньчжурскому языку не свойственны. Эти формы имеют свои аналоги в языке монгольском, дагурском и солонском.

Графический состав (систему графики малого чжурчжэньского письма) всего легче уяснить при сравнении его с системой силлабической письменности. Если для указанной цели мы возьмем письменность маньчжурскую, то сможем в следующем виде формулировать принципиальное различие между малым чжурчжэньским письмом и маньчжурской письменностью.

Маньчжурская письменность (графика) построена на ясно разработанной системе делений на слога (чжуван чжувэ учжу битхэ) — малое

⁹ В результате этой работы появилась книга W. Grube, «Die Sprache und Schrift der Jüschên», Leipzig, 1896.

чжурчжэнское письмо имеет в этом отношении большие отклонения, допуская, во-первых, графическое оформление слов *quasi* — идеографическими средствами и, во-вторых, использование неодинаковых графических начертаний для одних и тех же морфологических показателей.

Перехожу теперь к выводам. Как свидетельствует китайская история, выработанная киданями система письменности (большого киданьского письма) явилась первообразной системой, легшей в основу системы большого чжурчжэнского письма. Вместе с этим китайская история не дает указаний, в чем состояло принципиальное отличие большого чжурчжэнского письма от малого.

Я держусь мнения, что изобретенное императором Си Цзуном малое чжурчжэнское письмо могло отличаться от составленного Ваньянь Сиинём большого чжурчжэнского только графическим оформлением, а следовательно, киданьское большое письмо принципиально не отличается от малого чжурчжэнского, являясь одной и той же системой письма с различным графическим оформлением.

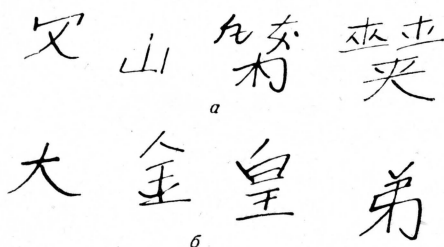

Рис. 6

Эта рабочая гипотеза и служит основной базой, на которой я строю фонетическую систему дешифровки киданьской письменности.

По моему мнению, одной из самых важных частей научной заслуги Ван Цзин-жу надо считать то, что он обратил внимание на сходство письменных знаков стелы Салиганя с киданьским письмом и высказал предположение, что этот па-

мятник написан киданьским письмом. На первый взгляд кажется, что это мнение незачем даже подчеркивать, если известно, что употребление чжурчжэнями киданьской письменности было прекращено лишь в 1191 г., а памятник Салиганя датирован 1134 г. Тем не менее самый факт констатации этого приводит к мысли, что методическое исследование забытого киданьского письма всего правильное было бы начать

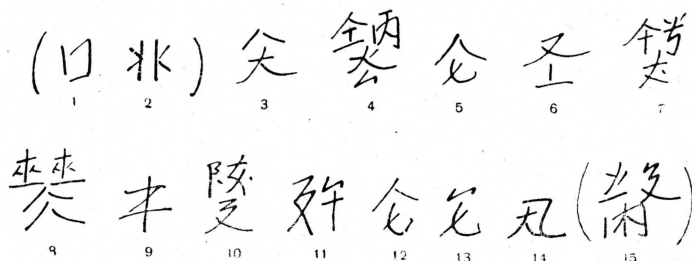

Рис. 7

именно с этого памятника, так как, как уже было указано, памятник этот двуязычный, причем в конце китайского текста, помещенного слева, указано, что этот текст представляет собой перевод текста, написанного справа. Поскольку подлинность памятника и обстоятельства его возникновения — факты исторически бесспорные, то неизвестное письмо должно соответствовать или чжурчжэнскому, или киданьскому языкам.

Памятник этот начинается четырьмя знаками (см. рис. 6, а), которм в китайском тексте соответствуют четыре иероглифа (см. рис. 6, б), в дословном русском переводе означающие «Великой Цзинь

(時) 天 會 十 二 年 歲 次

甲 寅 仲 冬 十 有 四 日

Рис. 8

天
 全 兩
 火
 全 冬
 今 考
 陵 冬
 冬

天
 會
 十 二
 甲
 仲 冬

冬

天 хан
 冬 ань
 乃 до
 冬 да
 冬 гу
 冬 га

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

不 а 仕 энъ 天 (кит)
 方 ш 由 ка 赤 чн)
 乞 э 冬 ра 兴 (кит)
 丙 л(и) 午 н(и)
 刃 кэ(хэ) 水 уи 實 шн)

Рис. 12

императорский брат». При сравнении двух текстов памятника естественным (вне зависимости от морфологической структуры) является предположение, что два первых иероглифа китайского текста, представляющие собой наименование династии «Великая Цзинь», соответствуют двум первым знакам неизвестного письма. В таком случае третий знак неизвестного письма должен соответствовать третьему по порядку иероглифу китайского текста «хуан» — «император», который является в тексте именем прилагательным, определением к четвертому иероглифу китайского текста «ди» — «младший брат» и должен переводиться на русский язык «императорский», а на маньчжурский — хань-и (т. е. именная форма и суффикс родительного падежа). Обратившись теперь к словарю В. Грубе, мы находим, что чжурчжэньское слово «хань», имеющее китайское значение «хуан» — император, транскрибировано как Хань+ань (по способу фаньце). Если, исходя из всех этих данных, мы перейдем теперь к анализу третьего знака неизвестного письма, то из двух его верхних компонентов первый соответствует слогу «хан», а второй слогу «ань», т. е. получается звуковой комплекс «хань», в одинаковой мере свойственный языкам киданьскому и чжурчжэньскому, как это известно из исторических документов. Отсюда же станет ясным, что третий компонент третьего знака неизвестного письма будет соответствовать звуку «и», т. е. суффиксу родительного падежа и прилагательного (во всех вообще тунгусских языках).

Общим выводом из перечисленных соображений может быть лишь то, что неизвестное письмо есть письмо силлабическое с наличием в его составе особых начертаний для суффиксов.

Если мы обратимся к концу текста памятника Салиганя и сравним его конечную фразу, состоящую из 15 письменных знаков (написанных для удобства изложения в горизонтальную строчку) (рис. 7) с состоящей из 16 иероглифов конечной фразой китайского текста того же памятника (рис. 8), то мы сможем без особого труда сделать сопоставление письменных знаков неизвестного письма с китайскими и маньчжурскими словами. Эти сопоставления представлены на рис. 9.

Теперь мы попробуем прочесть начертания 1 и 2 (рис. 9) по-маньчжурски и по-чжурчжэньски. № 1 = маньчжур. дулимба (й) и чжурчж. *dulila*¹⁰, № 2 = маньчж. гувэри и чжурчж. ту—э—э—минь.

Однако же наличие в первом начертании графического компонента, отождествленного нами как «ань» (см. рис. 10), не позволяет считать эти чтения верными и заставляет искать другие фонетические эквиваленты для этих двух начертаний.

Мы находим их в дагурском языке для знака № 1 (рис. 9) = доанд (дуанде средний) и в киданьском и солонском. № 2 (рис. 9) = киданьскому тугэ (по «Ляоши юйцзе») и солонскому *tuigiü*.

Из приведенных примеров мы можем считать установленными следующие звуковые комплексы (слоги) киданьского письма (см. рис. 11).

Из ряда других примеров можно считать установленными графические эквиваленты звуков и слогов, представленные на рис. 12.

SUMMARY

The article is based on the manuscripts of L. Rudov, posthumously prepared for publication, and constitutes part of his work dedicated to restoring the phonetical system of the Khitan language, proceeding from the historical phonetics of the Daghur, Mongolian, Solon and Manchu languages.

The work offers instances of the reading of Khitan characters from the bilingual (Khitan-Chinese) stele of Saligan, which were used to establish separate phonetical units of Khitan writing and the graphic equivalents of individual sounds and syllables.

¹⁰ W. Grube, Указ. раб.